

Михаил Махашвили

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ПРОШЛОГО



Михаил Махашвили
Воспоминания из прошлого

«Пробел-2000»

2014

УДК 821.161.1-321.2Махашвили
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Махашвили М. С.

Воспоминания из прошлого / М. С. Махашвили —
«Пробел-2000», 2014

ISBN 978-5-98604-452-1

Уважаемый читатель! Перед тобой сборник воспоминаний человека, прошедшего длинный жизненный путь. Я хотел вспомнить те эпизоды, которые оставили неизгладимый след в моем сознании, хотел, чтобы мой народ и, в первую очередь, мои потомки знали, как мы жили, о чём мечтали, за что и как боролись...

УДК 821.161.1-321.2Махашвили
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98604-452-1

© Махашвили М. С., 2014
© Пробел-2000, 2014

Содержание

Убийство на пешеходном мосту	15
Дело Тиграна	17
В джунглях КГБ	19
Женщина – легенда	21
Похитители вина	22
Кинжал – орудие двух убийств	24
Отмена незаконного приговора	25
Невероятное преступление	27
Незаконный арест	30
Два варианта протеста	31
Случай во дворе	33
Незаконное решение суда	34
Памятные встречи в Москве	35
Состряпанное дело	38
Ошибка прокурора	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Соломонович Махашвили

Воспоминания из прошлого



© Махашвили М.С., 2014

*Воспоминания посвящаю
памяти моего любимого сына*

Ники Махашвили



Уважаемый читатель!

Перед тобой сборник воспоминаний человека, прошедшего длинный жизненный путь. Я хотел вспомнить те эпизоды, которые оставили неизгладимый след в моем сознании, хотел, чтобы мой народ и, в первую очередь, мои потомки знали, как мы жили, о чём мечтали, за что и как боролись...

Я родился 25 февраля 1921 года в Тбилиси (на улице Шаумяна, на противоположной стороне от станции метро «300 арагвинцев»), в двухэтажном доме, который подарил нам мой крёстный.

В то время мой отец, Соломон Махашвили, торговал вином в винном погребе. Авлабарских виноторговцев называли «Сираджеби», и это считалось почётным званием. Моя мать,

Тамар Бикашвили, родом из Кизики, а точнее из села Мирзаани, родного села Нико Пиросмани¹. Там мои родители и повенчались.



Михаил Махашвили

¹ Пиросманишвили Николоз Асланович (1862–1918 гг.), выдающийся грузинский художник, представитель примитивизма. Из свыше 2 000 работ художника до наших дней дошло не более 300, которые хранятся в коллекциях Государственного музея Востока (Москва), в Третьяковской галерее (Москва), Музее изобразительных искусств им. Ш. Амиранашвили (Тбилиси), частных коллекциях и т. д.

Первенец моих родителей умер в двухлетнем возрасте, но потом у них родилось еще 4 детей. Старший брат Николоз родился в 1915 году, затем дочь Анна – в 1917 году, третьим по счету был я, и последыш – Лиза. День моего рождения примечателен тем, что он совпал с вступлением в Тбилиси 11-ой Красной армии. С приходом к власти большевиков начались расстрелы, аресты, выселение состоятельной части населения, разрушение церквей, уничтожение дворянства и духовенства.

Испуганные родители отдали новой власти свой собственный дом. В нём открылась русская школа, а наша семья вернулась в дом своих предков – в село Анага Сигнахского района, где мы прожили в нужде несколько лет. В селе прошла коллективизация, которая не принесла ничего хорошего. Крестьянство бедствовало. Несмотря на то, что сельчане еле-еле сводили концы с концами, их вынуждали сдавать мясо, яйца, шёлк и другие продукты, и к тому же обязывали приобретать облигации.



Михаил (Ника), Соломон и Михаил Махашвили

Несмотря на тяжелейшие условия жизни, мои родители сделали смелый шаг и привезли нас учиться в Тбилиси. Они сняли одну маленькую комнатку в районе Сванетис Убани, на улице Темрюка, где мы и жили в условиях крайней бедности. После окончания школы, мой старший брат стал работать на станкостроительном заводе им. 26 комиссаров, и при этом параллельно учился. Он везде пользовался большим авторитетом.

Во время учёбы в средней школе № 7, я в ночную смену работал учеником токаря на том же заводе, что и брат. Меня прикрепили к инженеру, немцу по национальности, который был не только высококлассным специалистом, но и очень порядочным человеком. От него я узнал цену труду.

Началась война между Советским Союзом и Финляндией. Впервые же дни войны моего старшего брата отправили на фронт. С войны он вернулся без единой царапины. Вскоре началась Великая Отечественная. В день объявления войны его послали в Тулу, на оружейный

ремонтный завод. В 1943 году под его руководством из Тулы в Тбилисский арсенал, на ремонт пригнали целый эшелон, груженный повреждённым оружием, которое поступало с фронта. Военный комиссар предложил Николозу остаться работать в военном комиссариате, но он отказался и вернулся в Тулу.



Иятамзе Сабактарашвили

В 1942 году я сдал вступительные экзамены в Тбилисский медицинский институт. В те времена троллейбусы ходили только до нынешней улицы Шартава, поэтому в институт мы добирались пешком. Асфальта там тогда еще не было, и территория использовалась под пастбище. В этот период мой отец работал в винном магазине на улице Меликишвили – там, где сейчас находится офис страховой компании «Алдаги».

Отца часто посещали выдающиеся и знаменитые личности: Галактион Табидзе, Гогла Леонидзе, Михаил Чиаурели, Васо Годзиашвили, Шалва Гамбашидзе и другие. Нередко заглядывал и прокурор Коля Табатадзе, который работал в республиканской прокуратуре. Он часто рассказывал мне об интересных криминальных случаях. Как-то раз он сказал, что в Орджоникидзевском районном суде рассматривается интересное уголовное дело и предложил прийти на процесс. Суд располагался на улице Барнова, у «круглого сада». Я с удовольствием принял предложение и пришёл на судебное заседание. Слушалось дело о вопиющем преступлении – на улице Петриашвили была изнасилована восьмилетняя девочка, которую, вдобавок, заразили венерической болезнью. На процессе присутствовало множество народа. Суд вынес суро-

вый приговор и назначил обвиняемому максимальную меру наказания. На процессе блестяще выступил прокурор Табатадзе. Само присутствие на судебном заседании, также как участвующие в рассмотрении дела юристы произвели на меня неизгладимое впечатление.

Вскоре после этого к нам вновь зашёл прокурор Табатадзе, и между нами состоялся интересный разговор. Он предложил мне оставить Медицинский институт и перейти учиться в Университет, на юридический факультет. Очень скоро я последовал его совету. Табатадзе проявил инициативу и привёл меня к декану юридического факультета Давиду Мирианашвили, который оказался моим односельчанином. Перевод на Юридический факультет был связан с определёнными трудностями, поскольку начинались экзамены, и требовалась определённая подготовка, но мне удалось успешно пройти испытания и поступить на первый курс.

Я скрыл от родителей своё решение и так закончил юридический факультет, что они ничего об этом не узнали. В то время в Университете работала блестящая когорта учёных: Шалва Нуцубидзе, Евгений Харадзе, Иродион Сургуладзе, Виктор Купрадзе, Александр Вачеишвили, Иванэ Бериташвили и другие. Научный коллектив возглавлял Нико Кецховели, большой учёный и человек, пользовавшийся неограниченным авторитетом.

В то время в Тбилиси и в самом Университете трудно было найти здоровых и трудоспособных людей. В колхозах не хватало рабочих рук, чтобы вовремя снять урожай. По инициативе Кецховели студенток направляли на сбор чая в Гурию и Мегрелию, а юноши работали на строительстве второго корпуса Университета (дело в том, что строительство второго корпуса Университета началось до войны, и строители успели возвести только первый этаж).

В Университете действовала многочисленная партийная организация во главе с первым секретарём Георгием Бакрадзе, который обладал правами секретаря райкома и, параллельно, читал лекции в Университете.



Отец и сын – Михаил и Ника Махашвили

Учась на III курсе, я решил вступить в партию, потому что для будущего юриста партийность была условием совершенно необходимым. Я обратился с заявлением к секретарю партийного комитета Бакрадзе, который побеседовал со мной и предложил взять на себя руководство студентами на строительстве второго корпуса Университета. Я, не раздумывая, согласился, но попросил учесть мои соображения по организации работ. Бакрадзе предложил, чтобы мы зашли к ректору, и я изложил ему свои мысли. В целях поощрения студентов в университетские профсоюзы присылали ордера на получение папирос и мелких подарков, но они использовались не по целевому назначению – какие-то мошенники продавали эти папиросы около Верийского рынка. Я попросил ректора создать комиссию в составе 5 человек, которая обеспечит справедливое распределение поощрительных подарков среди студентов. Выслушав меня, Кецховели не мог скрыть своего удивления и возмущения. Он поручил Бакрадзе оказать содействие и удовлетворить мои требования. На второй день я приступил к исполнению своих обязанностей. Поговорил со студентами и пообещал им, что выделенные ордера все получат по заслугам. К тому же я установил строительные нормы. Ввиду того, что в те времена не существовало никакой механизации, кирпичи мы переносили на самодельных деревянных носилках. Двое студентов должны были поднять на верхний этаж 1000 кирпичей, без ограничения продолжительности работы. После введения новых порядков работы резко активизировались. В конце каждой недели все участники строительства получали подарки, среди студентов сложились дружеские отношения. В таких тяжёлых условиях был построен второй корпус Университета.



Ника Махашвили

За успешно проведённую работу мне объявили личную благодарность. У входа в Университет, на центральных дверях вывесили приказ за подписью Кецховели. Во время войны фашисты сбросили на Тбилиси несколько бомб, поэтому в городе ввели затемнение, а стены Университета окрасили в чёрный цвет.

В военные годы люди сильно бедствовали – была введена карточная система и установлены нормы на хлеб, которых явно не хватало для нормального существования.

После победы над фашизмом началось восстановление Университета. Вернувшиеся с войны фронтовики приступили к мирному труду, и вскоре были созданы условия для нормальной жизни. Вместе с наступлением мира на повестку дня стал вопрос о том, чтобы перекрасить здание любимого Университета в белый цвет. Объединились власть, и вся общественность. Активное участие в этом благом деле принимали университетские студенты, руководить которыми поручили мне. Ввиду отсутствия подъёмных механизмов, по всей высоте здания были установлены длинные деревянные лестницы, которые оказались непригодными для использования. Лестницы качались, а из-за отсутствия специалистов закрепить их на стенах никак не удавалось. Я принял решение придвинуть лестницы к окнам и надёжно прикрепить их к оконным рамам. Свой замысел я решил реализовать сам. Из окна третьего этажа я перебрался по

доске на качающуюся лестницу и попытался её закрепить, что, конечно же, было связано с большим риском. Неожиданно во двор Университета въехала машина, из которой вышли Кецховели, министр образования Советского Союза Кафтанов и первый секретарь райкома Тamar Квливидзе. Кецховели заметил меня и бросился на помощь. Ректор вполне справедливо отчитал меня и строго предупредил, чтобы я больше никогда не совершал подобных поступков.

Я горжусь тем, что пользовался в Университете особым уважением, меня ценили в партийной организации, выбрали руководителем агитпункта, я принимал активное участие в выборах. В начале 1945 года, когда я даже еще не окончил Университет, меня по рекомендации ректора Университета академика Нико Кецховели назначили судьёй в суд Орджоникидзевского района. Моему отцу сообщили о том, что я буду рассматривать своё первое дело в суде и предложили прийти на процесс. Отец не поверил и уверял всех, что я учусь в Медицинском институте и никакого отношения к суду не имею. Соломона заставили прийти на судебное заседание, от чего он пришёл в крайнее изумление и укорял меня за то, что я скрыл от него правду. Вот так необычно началась моя деятельность в мире юриспруденции.

В суде Орджоникидзевского района работала Додо Хантадзе – очень опытный и в высшей степени порядочный судья, которую потом перевели в Верховный суд.



Внучка Ия

Работа рядом с Хантадзе оказала большое влияние на мою дальнейшую судьбу и карьеру, я многому научился от этого прекрасного человека и судьи. На протяжении определённого времени я работал также замещающим судьёй в Калининском районе.

Из-за болезни меня не отправили на фронт. В 1946 году я окончил Университет и с июня 1947 года начал работать следователем в прокуратуре Орджоникидзевского района. В то время должность прокурора занимал замечательный человек Григол Чичуа, который прошёл интересный жизненный путь и стал моим хорошим наставником. После смерти Чичуа прокурором назначили Арчила Гокиели, который по комсомольской путёвке закончил в Москве какие-то юридические курсы. Гокиели явно не справлялся с обязанностями прокурора и часто кон-

фликтовал с сотрудниками. Видимо поэтому меня, по инициативе прокурора города Гриши Бицадзе, перевели в Тбилисскую городскую прокуратуру.

В январе 1951 года была создана Тбилисская окружная прокуратура. Окружным прокурором назначили Гришу Бицадзе, который перевёл меня в Тбилисскую окружную прокуратуру на должность прокурора уголовного отдела, а затем назначил начальником отдела по надзору за милицией.

Бицадзе был не просто блестящим прокурором, но и прекрасным организатором и честнейшим человеком, мудрым воспитателем молодых кадров. В 1953 году, когда была упразднена Тбилисская окружная прокуратура, Бицадзе назначили первым заместителем прокурора республики, где он бессменно проработал до ухода на пенсию. За годы своей работы он заслужил искреннюю любовь и уважение не только со стороны сотрудников правоохранительных органов, но и у населения. Он был хорошим человеком и личностью с большой буквы.

После упразднения окружной прокуратуры меня перевели в республиканскую прокуратуру на должность прокурора уголовного отдела.

Я хочу рассказать вам о некоторых событиях, свидетелем и участником которых мне довелось стать на протяжении 40 лет работы в прокуратуре.

Во времена Советского Союза большинство людей, работавших на высоких правительственных должностях, честно служили государственным интересам и соблюдали требования закона, хотя подлецы и взяточники существовали и в те времена. Общение с порядочными людьми было для меня счастьем, и хотя я не избежал разочарований и обид – постараюсь быть объективным в своих оценках. В описываемых мной событиях я счёл необходимым изменить некоторые имена и даты, но содержание этих событий передано с максимальной точностью.

Убийство на пешеходном мосту

По приказу республиканского прокурора Владимира Шония наш рабочий день длился с 9 часов утра до 6 часов вечера, затем перерыв до 9 часов, и с 9 часов вечера мы продолжали работать до 12 часов ночи. В феврале 1948 года, в 11 часов ночи, в прокуратуру Орджоникидзевского района позвонил начальник милиции Авксентий Кокая, который сообщил мне, что в Дидубе, на пешеходном мосту произошло убийство. Я срочно выехал на место происшествия, где уже находились сотрудники милиции и несколько граждан. Потерпевшей оказалась жительница села Земо Сазано Зестафонского района Мариам Самхарадзе, которая заявила, что её племянник выхватил у неё из рук трёхмесячного ребёнка и выбросил его в Куру.

Прибыв на место, я заметил в реке какой-то предмет и прямо в одежде спрыгнул с моста. В воде плавала пелёнка, в которую был завернут малыш. Злоумышленник намеревался сбросить в реку и мать, но она стала кричать и цепляться за перила моста. На помощь к Мариам бросились прохожие и спасли её от неминуемой гибели. Злоумышленнику удалось скрыться с места преступления.

В ту же ночь я допросил Мариам Самхарадзе, которая сообщила, что её трёхмесячного ребёнка выбросил в Куру её племянник Серго Самхарадзе, от которого она родила этого ребёнка. Во время подробного допроса Мариам Самхарадзе рассказала, что, когда она жила в селе Земо Сазано, племянник изнасиловал её, пригрозил, чтобы она никому не рассказывала, о случившемся и пообещал помочь. В результате изнасилования она забеременела, и об этом стало известно насильнику. Когда беременность стала заметна, Серго привёз её в Тбилиси, пообещав, что поможет вырастить ребёнка, и они будут жить вместе. Когда пришло время рожать, племянник отвёз её в родильный дом имени «Чачава». После рождения ребёнка, Мариам, вместе с новорождённым, разрешили временно остаться в родильном доме, где она жила и работала три последующих месяца. В день совершения преступления Серго приехал в родильный дом и забрал Мариам вместе с ребёнком. По дороге он рассказал, что нашёл работу и снял квартиру в Дидубе. Когда они шли по переходному пешеходному мосту, он неожиданно вырвал у неё из рук ребёнка и выбросил в Куру...



С целью полноценного расследования дела, я выехал в село Земо Сазано для проведения осмотра места происшествия. Убийцу объявили в розыск. Вскоре его задержали и осудили за умышленное убийство.

Дело Тиграна

В октябре 1947 года, когда я работал в прокуратуре Орджоникидзевского района, мне поручили расследовать дело Тиграна Аветисова.

Следствием было установлено, что на территории нынешнего Дворца спорта у Тиграна Аветисова имелась собственная мельница. Тогда только-только закончилась война, страна испытывала серьёзные трудности со снабжением хлебом, действовала карточная система. В сложившейся ситуации возникла необходимость в мельницах, чтобы молоть кукурузу и пшеницу, которую люди привозили из деревень.

На мельницах был установлен гарнцевый сбор – 1 кг., с каждых 10 кг. В то время в Министерстве торговли функционировал отдел контроля, которым руководил некто Джанджгава, очень строгий инеподкупный человек. Два сотрудника этого отдела явились на мельницу Тиграна для проведения проверки. Контролёры обнаружили, что один из заказчиков сдал на мельницу 100 кг. кукурузы, а Тигран вместо 100 кг. оформил 10 кг. то есть, собирался присвоить в ущерб государству 90 кг. кукурузы. Контролёры составили акт о выявленном нарушении, но Тигран отказался его подписывать. В порыве злости Тигран схватил топор, и испуганные ревизоры поспешили удалиться. Об этом происшествии контролёры доложили начальнику отдела Джанджгава, который вызвал Тиграна для выяснения обстоятельств.

Явившийся к начальнику Тигран заявил, что к нему на мельницу никто не приходил, и никаких актов не составлял. В это время в кабинете кроме Джанджгава и Тиграна никого не было. Когда Джанджгава предъявил Тиграну квитанцию о приеме кукурузы, Тигран выхватил ее и съел. Возмущенный его поведением Джанджгава вызвал сотрудников, и они составили соответствующий акт. Материалы направили в управление милиции, где были проведены следственные действия. Возникла сложная ситуация, и уголовное дело направили в прокуратуру для дальнейшего расследование.

Я еще раз критически допросил все участников этого дела, но в их показаниях ничего не изменилось. Джанджгава обвинял Тиграна в том, что тот съел квитанцию, а Тигран и на допросе, и на очной ставке все отрицал. При происшествии никто не присутствовал, поэтому я не мог принять сторону Джанджгава.

Поскольку никакими твёрдыми доказательствами следствие не располагало, я прекратил дело из-за отсутствия состава преступления.

В те времена, как я уже говорил, по приказу республиканского прокурора Шония нам было положено работать до 12 часов ночи.

Через 5 дней после прекращения дела Тиграна, я в 12 часов ночи возвращался домой – на Мцхетскую улицу. В Ваке, около круглого сада я заметил, что меня преследует какой-то человек. В то время часто совершались разбойные нападения, и я приготовился дать достойный отпор грабителю, но, как оказалось, преследовавшим меня человеком был бывший подозреваемый Тигран.

Подойдя поближе, Тигран протянул мне завёрнутые в газету деньги и попросил помочь. Я прикрикнул на него и сказал, что дело прекратил несколько дней назад, и если он не совершал преступления, то зачем предлагает мне деньги.

На второй же день я доложил, об этом случае прокурору района Чичуа сказав, что хочу возобновить расследование и арестовать Тиграна и подал ему постановление об аресте. Чичуа был разумным и опытным прокурором. Он объяснил, что это дело не имеет перспектив для передачи в суд; суд не вынесет по нему обвинительный приговор.

Тем не менее, я предъявил Тиграну обвинение, составил обвинительное заключение, арестовал Тиграна и направил дело в суд.

Дело рассматривал мой бывший однокурсник судья Спиридон Твилдиани, который вынес в отношении Тиграна оправдательный приговор.

Ещё во времена нашего студенчества Твилдиани был известной коррумпированной личностью, и дело Тиграна он тоже использовал в своих интересах. Твилдиани установил дружеские отношения с Тиграном и его сыном Шота, которые продолжались до самой смерти Твилдиани.

В джунглях КГБ

Во время моей работы в прокуратуре Орджоникидзевского района (1948 год) мне поручили расследовать дело об изнасиловании Аветисова. Потерпевший обвинял в этом преступлении студента Церетели. Это дело поступило в прокуратуру из Тбилисского управления милиции, так как согласно действующему закону дела об изнасиловании были подведомственны прокуратуре. Сотрудники Управления милиции доложили об этом уголовном деле прокурору г. Тбилиси Шаоршадзе и начальнику следственного отдела Карпезу Пайчадзе. К делу прилагались письменные указания городского прокурора – применить подозреваемому меру пресечения в виде взятия на поруки.

В прокуратуру явился отец потерпевшего Аветисова, который категорически требовал арестовать подозреваемого Церетели. Районный прокурор Чичуа в моем присутствии объяснил Аветисову, что идёт следствие, и пока нет никаких оснований для заключения Церетели под стражу. Недовольный таким ответом Аветисов обратился с заявлением к первому секретарю ЦК Кандиду Чарквиани. Он явно спекулировал тем фактом, что был полковником, участником Великой Отечественной войны.

Центральный Комитет направил заявление Аветисова на проверку в Комитет государственной безопасности, которым руководил обнаглевший от безнаказанности чиновник Николоз Рухадзе. Злоупотребляя своим служебным положением, он совершенно безосновательно арестовал нескольких прокуроров и судей Верховного суда Грузии, которые затем были реабилитированы. Рухадзе лично вызвал меня и потребовал, чтобы я обвинил городского прокурора и начальника следственного отдела в получении взятки. Я объяснил Рухадзе, что его требования безосновательны и я не дам таких показаний. Разгневанный Рухадзе вызвал известного провокатора и садиста некоего Куциава, которому приказал увести меня и оформить мои признательные показания. Не добившись от меня нужных показаний, Куциава и какие-то сотрудники заломили мне руки и притащили к Рухадзе, который окончательно взбесился и в мой адрес понеслись крики и ругань. Он велел Куциава: «Отпусти его, пусть подумает до завтра и придёт подготовленным!» Пытать и оскорблять меня они закончили в 3 часа ночи.

Я явился в республиканскую прокуратуру, так как меня должны были отправить в командировку. Республиканского прокурора Владимира Шония на месте не оказалось. Он был образованным и в высшей степени честным человеком – настоящая легендарная личность. Начальник следственного отдела Эсакия предупредил меня, чтобы я срочно отправлялся в Лагодехский район. В то время в Лагодехском и Белоканском районах бесчинствовали бандитские шайки. Ежедневно они останавливали автобусы, уводили пассажиров в лес и там грабили; бывали случаи и убийств. В расследовании мне помогали сотрудники Министерства внутренних дел, и совместными усилиями мы успешно справились с поручением.

Между тем, в связи с делом Церетели Рухадзе подал представление в Центральный Комитет партии. Дело рассматривало Бюро ЦК. Рухадзе требовал исключить из партии начальника милиции Виктора Менагаришвили и работников прокуратуры, а меня взять под стражу. Среди членов Бюро развернулась острая полемика. Предложение Рухадзе поддержал секретарь ЦК Шадури, категорически против него выступали Председатель Совета Министров Валериан Бакрадзе и Министр внутренних дел Гриша Каранадзе. Ситуация накалилась, поскольку Рухадзе из принципа требовал поддержать его предложение; особенно агрессивно он был настроен против меня.

Будучи совершенно уверенным в своей правоте, я явился на заседание Бюро с пистолетом и был готов застрелить Рухадзе, если он добьётся моего ареста. Чарквиани попросил меня высказать своё мнение по этому делу. Несмотря на то, что я был в высшей степени взволнован и напряжён, мне удалось подробно и убедительно изложить обстоятельства дела, привести все

доказательства. В результате у меня возникло впечатление, что Чарквиани убедился в моей объективности. Он принял решение единолично и попросил меня оставить заседание Бюро. Такой поворот дела вызвал у Рухадзе новый всплеск возмущения, и он опять ополчился против меня. Это не понравилось Чарквиани, и он призвал Рухадзе прекратить провокационные высказывания. У меня забрали дело и передали Комитету госбезопасности. Под давлением Рухадзе Церетели был арестован и осуждён. В дальнейшем дело было передано на рассмотрение Верховному суду Грузии, который вынес Церетели оправдательный приговор.

Рухадзе вместе с Шалвой Церетели, Гоглидзе и другими предстали перед Верховным Судом СССР. Выездная сессия суда прошла в Тбилиси, в Доме железнодорожников. На процессе выступал Генеральный прокурор Советского Союза Руденко. Рухадзе предъявили обвинение в злоупотреблении служебным положением, сообщничестве Берия и приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. Я присутствовал при рассмотрении дела в суде и остался, удовлетворён тем, что закон восторжествовал.

Женщина – легенда

В период моей работы в Орджоникидзевском районе должность первого секретаря райкома занимала Нина Жвания – женщина-легенда. Она выделялась образцовым трудом, человеколюбием, благородством и высокой порядочностью. После расстрела Берия ее арестовали только за то, что она была мегрелкой по происхождению. Во время той позорной кампании по инициативе Никиты Хрущева арестовали многих порядочных и образованных мегрелов, в том числе, прокурора республики Владимира Шония – гениального юриста и воплощение порядочности. Такова была безрассудная, а скорее – преступная политика властей.

В период пребывания Нины Жвания на посту первого секретаря, на площади Героев, на 3 этаже одиннадцатизэтажного дома находился известный ресторан «Москва», директором которого был Бжалава. Мы получили в прокуратуре разоблачительные материалы, свидетельствующие о том, что с базы Министерства торговли директору Бжалава выдали для нужд ресторана дорогостоящий кобальтовый сервиз, который тот унёс домой.

На основании этих материалов я изъясил в квартире Бжалава сервиз зарубежного производства. Присвоение государственного имущества в крупных размерах подтвердилось по всей форме. Этот факт не отрицал и сам Бжалава. Однако он говорил, что унёс сервиз домой, так как боялся, что его украдут. Такое объяснение не выглядело убедительным, так как расписка о передаче на хранение отсутствовала. Этот сервиз директор ресторана на протяжении 7 месяцев прятал в своей квартире. Я арестовал Бжалава по обвинению в присвоении государственного имущества. Об аресте Бжалава узнала Нина Жвания. Она позвонила мне и попросила ознакомиться ее с деталями дела, поскольку Бжалава был членом партии.

В тот же день я явился в райком с докладом по этому делу. Секретарь райкома была обеспокоена фактом хищения государственного имущества. С удручённым видом Нина Жвания сказала мне: «Бжалава мой двоюродный брат. Что же он натворил, как опозорил меня!» Она была очень расстроена, но, тем не менее, признала, что Бжалава действительно заслуживал ареста. Я видел, как она глубоко переживает из-за случившегося, но, к чести её будь сказано – ни словом не обмолвилась при мне в его защиту.

В течение 9 месяцев Нину Жвания незаконно содержали под стражей в тюрьме КГБ. Потом ее оправдали и назначили заместителем председателя Тбилисского исполкома, где она и работала до конца своих дней. Своим бескорыстным трудом и заботой о людях Нина Жвания заслужила искреннюю любовь и уважение жителей Тбилиси.

Похитители вина

Во время работы в Орджоникидзевской прокуратуре в моем производстве находилось еще одно важное дело. К нам поступили материалы о том, что из коллекции вин, хранящихся на винном заводе № 1, путём искусственного завышения количества списывали вино в особо крупных размерах, якобы, по причине истечения срока годности. На самом деле большую часть образцов списывали неправомерно и продавали неизвестным лицам.

На основании этих материалов возбудили уголовное дело и арестовали двоих виноделов, в том числе одну женщину. Подробно изучив деятельность сотрудников завода, мы выяснили, что директор завода был братом секретаря ЦК Васо Буджиашвили – утонченного интеллигента и благороднейшего человека. К сожалению, директор завода явно злоупотреблял тем положением, которое занимал его брат. Я позвонил ему, вежливо сообщил, что арестованы двое работающих у него виноделов и попросил явиться в прокуратуру. В ответ он закричал, что занят и бросил трубку. Я повторно позвонил ему и объяснил, что на актах списания, уничтожения коллекционных вин стояла его согласительная надпись, и этот факт нуждается в объяснении, но он опять бросил трубку. Тогда я позвонил начальнику милиции Авксентию Кокая, и поручил ему обеспечить принудительный привод директора завода. Тогда почти 80 % рядовых милиционеров были осетины и азербайджанцы. Двое милиционеров-осетин силой привели ко мне перепуганного Буджиашвили. Поздно ночью ко мне в прокуратуру приехал секретарь Центрального Комитета Васо Буджиашвили. Он был очень расстроен и извинялся за поступок своего брата.

Следствие установило, что с винного завода села Анага, на винный завод № 1 было отправлено 18 вагонов с виноматериалом № 8, которые приняла Домна Чантладзе. 17 вагонов она провела в доходы завода, а 18-ый вагон просто исчез. Чантладзе не смогла привести никаких внятных аргументов и заявила, что не знает, куда делся один вагон с вином. В дело вмешалась республиканская прокуратура, поскольку арест женщины-винодела был особым случаем. Меня вызвал начальник следственного отдела республиканской прокуратуры Арчил Пхакадзе и предупредил, что я должен доложить о деле прокурору республики. В назначенное время я явился к Шония. Доклад по делу начал Пхакадзе. По его словам, Чантладзе была арестована с нарушением закона. Шония возмутился и строго спросил меня, как я мог допустить такое беззаконие.

Я заверил Шония, что доклад Пхакадзе не соответствует действительности и в подтверждение своих слов показал ему накладную за подписью Чантладзе, из которой явно следовало, что завод получил 18 вагонов с вином. К тому же я представил ему бухгалтерские записи о принятии вина в доходы в количестве 17 вагонов, а также показания самой Чантладзе и сотрудников Анагского винного завода. Все это свидетельствовало о том, что один вагон вина был утерян. В результате Шония выгнал Пхакадзе из кабинета, поблагодарил меня и попросил всегда быть таким прямым и принципиальным.

По этому делу я привлек к уголовной ответственности директора Анагского винного завода Михаила Мхеидзе и главного бухгалтера, которых судили вместе с остальными.

Думаю, что читателям будет интересно узнать, с какой строгостью осуществлялся тогда розлив марочных вин, и насколько была распространена фальсификация. Все это я изучил самым основательным образом, поскольку к этому меня обязывала семейная традиция: несмотря на то, что у меня не было образования винодела, вся жизнь моего отца была связана с виноделием.

Все прекрасно знают, что вина марки «Киндзмараули», «Хванчкара», «Чхавери» пользуются огромной популярностью во всем мире. Большое внимание изготовлению этих вин уделял Иосиф Сталин. Согласно установленному им порядку, сбор и отжим винограда происходил под строгим контролем, а розлив вина в бутылки осуществлялся в присутствии представителей

Центрального Комитета, Комитета госбезопасности, Совета Министров и «Самтреста». После этого, под строгим надзором вино отправляли в Кремль. Иным путём никто не мог получить даже бутылку вина.

Да будет Вам известно, что миллионы бутылок вина «Киндзмараули» и «Хванчкара», которые продавали и продают в ресторанах и торговой сети, на самом деле изготовлены из виноматериала «Саперави».

Виноград сорта «Киндзмараули» собирают в селе Киндзмараули Кварельского района в количестве примерно 100 тонн. Такое же положение в Раче, в селе Хванчкара. Поэтому, не верьте тому, кто скажет, что в каком-нибудь магазине или ресторане можно приобрести настоящее вино этой марки.

Кинжал – орудие двух убийств

В Тбилисской окружной прокуратуре, которая была создана в 1951 году, я проработал со дня её основания, вплоть до упразднения. Вначале я занимал должность прокурора уголовного отдела, затем начальника отдела по надзору за органами милиции. Окружным прокурором был назначен Гриша Бицадзе, который пользовался высоким авторитетом, как среди населения, так и у сотрудников правоохранительных органов. Он был воплощением порядочности, справедливым и достойным человеком. По личной инициативе Бицадзе, я был направлен на работу в Тбилисскую окружную прокуратуру, а затем переведён в республиканскую прокуратуру. После упразднения Тбилисской окружной прокуратуры, Бицадзе назначили первым заместителем прокурора республики. Благодаря его заслугам, республиканская прокуратура была укомплектована высококвалифицированными кадрами и пользовалась уважением у населения.

В начале 50-х годов прошлого столетия, особо напряжённая оперативная обстановка наблюдалась на дорогах Лагодехи-Белокани и Тианети, где часто происходили убийства и разбойные нападения. Бандиты останавливали автобусы, уводили пассажиров в лес, заставляли лечь на землю и грабили. Особой жестокостью отличалась группировка, действующая в Сабадурском лесу в Тианети, которую возглавлял некто Ликокели. Они зверски убили прокурора Тианетского района Джапаридзе.

В то время, в производстве Верховного суда Грузии, находилось дело об убийстве брата первого секретаря Тианетского райкома Серго Гелеишвили. Дело решили рассматривать на выездной сессии в Тианети, но в связи со сложной оперативной обстановкой от поездки в Тианети воздерживались как судьи, так и прокуроры. Гелеишвили работал мастером асфальтового цеха в дорожном отделе Тианетского района. Как было установлено, Гелеишвили, спавшему на территории цеха, по мотиву мести нанесли 27 ударов кинжалом. Дело рассматривал судья Сосо Гогешвили. Суд удовлетворил моё требование и приговорил обвиняемого к наказанию в виде лишения свободы сроком на 15 лет за умышленное убийство.

Через год после этого случая судья Верховного суда Грузии Аполлон Палавандишвили на выездной сессии в Гурджаани рассматривал дело об убийстве. На территории Гурджаанской железнодорожной станции житель села Велисцихе Эдик Варганов ударом кинжала убил гражданина, лезгина по национальности, нанеся ему 23 ножевые раны. Ранее убийца был, дважды судим за воровство. Ввиду того, что убийство было совершено из корыстных побуждений ранее судимым лицом, я в соответствии с законом потребовал для обвиняемого высшей меры наказания – расстрела.

Обвиняемого защищал адвокат из Сигнахи Вано Мирианашвили, который был возмущён требованием обвинения и в качестве смягчающего обстоятельства привёл тот факт, что в прошлом столетии лезгины уничтожили множество кахетинцев, и нельзя приговаривать Варганова к расстрелу за убийство одного единственного лезгина. Я счёл такое выступление адвоката недопустимым, и ходатайствовал о вынесении в отношении него определения о дисциплинарном наказании.

Суд удовлетворил моё требование и направил в Президиум адвокатов определение, на основании которого адвокат был уволен с работы.

Отмена незаконного приговора

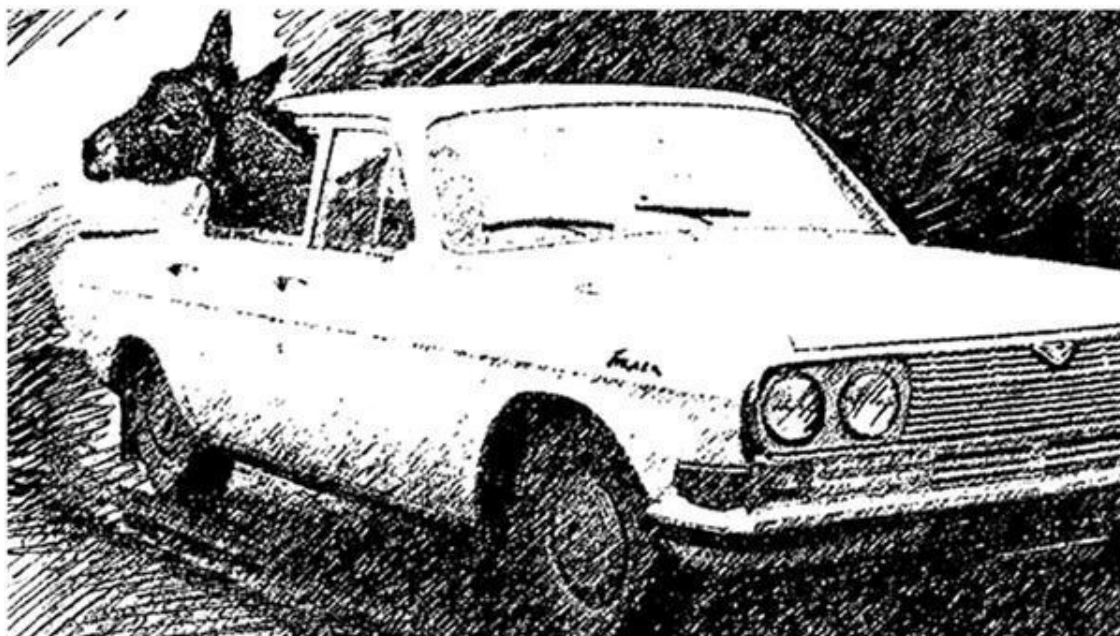
Во время работы в Тбилисской окружной прокуратуре мы помогли явно невиновному человеку, которого Сагареджойский районный суд приговорил за хулиганство к 2 годам лишения свободы. Ко мне в прокуратуру вместе с малолетним ребёнком пришла женщина – колхозница, жительница села Хашми Сагареджойского района, которая заявила, что её мужа несправедливо арестовали. Разумеется, претензии этой женщины следовало проверить. Я позвонил прокурору района Георгию Пурцеладзе, расспросил его об обстоятельствах дела и поручил привезти мне это уголовное дело. Как выяснилось, у председателя Хашмского колхоза работал водителем житель этого же села Майсурадзе. Однажды, когда они возвращались домой после застолья, водитель предложил сесть за руль, поскольку председатель колхоза был пьян. «Это я пьян?!», – заорал председатель, и ударил водителя. После этого случая водителя уволили с работы.

Как-то раз Майсурадзе возвращался домой на своей машине и заметил лежащего на обочине дороги пожилого мужчину. Рядом с ним стоял осёл. У пожилого мужчины, который оказался его односельчанином, случился сердечный приступ, и он не мог передвигаться. Майсурадзе перенёс в багажник груз, который был навьючен на осла, рядом с собой посадил больного, а осла, после долгих мучений, запихнул в салон машины и так продолжил путь в сторону села.



Когда он проезжал по центру села, машину Майсурадзе заметил председатель. Председатель составил акт за подписями очевидцев и направил его в следственные органы. Он требовал арестовать Майсурадзе за хулиганство, так как тот посадил в осла в машину и тем самым надсмехался над всем селом. Ситуация действительно создалась комичная, но как вскоре выяснилось, Майсурадзе было совсем не до смеха. Чинуши, которые сидели в следственных органах, удовлетворили претензию председателя колхоза и возбудили уголовное дело по факту хулиганства. Все бы ничего, но за этим последовал не менее поразительный этап – прокурор утвердил обвинительное заключение и дело передали в суд.

В конце, на сцену этого театра абсурда вышел судья, который назначил Майсурадзе наказание в виде 2 лет лишения свободы, в то время как в действительности он заслуживал благодарности. Возмущенный таким решением, я срочно составил протест, и мы передали дело в окружной суд. Наш протест удовлетворили и заключённого освободили из-под стражи. По моему представлению работники следственных органов были наказаны за допущенные нарушения.



Невероятное преступление

В сентябре 1953 года, когда я работал в республиканской прокуратуре, ко мне на приём явилась одна женщина – колхозница из Сигнахи вместе с двумя малолетними детьми. Женщина была возмущена, поскольку считала несправедливым приговор Кварельского суда, в силу которого ее мужу присудили 2 года лишения свободы. Я выслушал ее претензии, позвонил прокурору Кварельского района, поручил ему срочно приехать и привезти материалы дела. Как выяснилось, преступление было совершено действительно необычное.

По постановлению правительства, колхозам Сигнахского района по ту сторону Кавказского хребта выделили пастбища, на которые летом выгоняли отары овец. На этих пастбищах располагалась овцеводческая ферма, принадлежащая колхозу села Джугаани. Раз в месяц, работники фермы приезжали на несколько дней домой, чтобы пополнить запасы еды и питья. В горы они поднимались через Кварели, по тропам. Этими тропами пользовались только пастухи и охотники. Пастух Джанкарашвили возвращался из села на ферму. Когда он поднимался по склону горы, путь ему преградил вооружённый бандит, лезгин по национальности, по фамилии Гамзатов и, угрожая ружьём, потребовал, чтобы тот поднял руки. Когда Гамзатов убедился, что жертва не собирается оказывать сопротивление, он решил подойти поближе. Джанкарашвили удачно воспользовался такой самонадеянностью бандита и когда тот приблизился, вырвал ружьё, переломил его об дерево и выбросил в овраг. Затем безжалостно избил нападавшего и продолжил путь к пастбищу.



Гамзатов же явился в отделение милиции Кварельского района и заявил, что на склоне горы на него напал какой-то злоумышленник, который избил его и отобрал ружьё. При этом он подробно описал внешность нападавшего. Оперативники догадались, что нападавшим мог быть один из пастухов. Оперативная группа срочно выехала на пастбище. Сотрудники собрали всех пастухов и провели опознание. Гамзатов опознал в Джанкарашвили нападавшего на него

человека и того задержали. Между задержанными провели очную ставку. Джанкарашвили признал, что он избил Гамзатова и отнял у него ружьё, поскольку тот собирался его ограбить. Оперативная группа выехала на место происшествия и извлекла из оврага сломанное ружьё. Гамзатова арестовали. После предъявления обвинения, он заявил, что пастух Джанкарашвили не только избил его, но и изнасиловал. Эти показания подтвердил и сам Джанкарашвили.

По приговору суда Гамзатов был признан виновным в разбое и приговорён к 9 годам лишения свободы, а Джанкарашвили за мужеложство – к 2 годам лишения свободы. Я срочно составил протест и передал дело в Верховный суд. Верховный суд удовлетворил мой протест и изменил меру пресечения в отношении Джанкарашвили – тюремное заключение было заменено условным наказанием.

Незаконный арест

После упразднения Тбилисской окружной прокуратуры (1953 год) меня перевели в республиканскую прокуратуру на должность прокурора уголовного отдела. В мои обязанности входил пересмотр рассмотренных судами уголовных дел в порядке надзора. Решения, принятые на основании жалоб граждан мы согласовывали с начальником отдела, затем с республиканским прокурором или одним из его заместителей. В случае опротестования приговора в Верховный суд, протест направлялся за подписью вышестоящего прокурора. В период моей работы в республиканской прокуратуре, прокурором республики был Михаил Топуридзе, который пришёл в прокуратуру из Московского арбитража. Он был достаточно образованным человеком, но при принятии решения по уголовным делам не всегда проявлял объективность. По ходу работы меня несколько раз возникали с ним конфликты.

Из Генеральной прокуратуры Советского Союза к нам поступила жалоба инвалида Великой Отечественной войны I группы Алексея Мичиташвили, который просил восстановить справедливость по делу о незаконном аресте его брата. Санкцию на арест выдал лично Топуридзе по просьбе министра внутренних дел Вано Гарибашвили, который под влиянием родственников был заинтересован в аресте Мичиташвили. Мне поручили изучить данное дело.

Как выяснилось, Каро Мичиташвили проживал в селе Велисцихе, был членом колхоза, в котором на момент проверки было 170 овец. Министр Гарибашвили счёл это преступлением и попросил у Топуридзе выдать санкцию на арест. По действующему колхозному уставу, колхоз имел право держать 20 овец, 2 коровы и т. д. В уставе указывалось количество голов скота, но ничего не говорилось об уголовном преследовании. Я объяснил республиканскому прокурору, что в действиях Мичиташвили отсутствуют признаки преступления, и он не подлежал аресту. Разгневанный прокурор срочно вызвал Гарибашвили и между ними состоялся неприятный разговор. Гарибашвили убеждал Топуридзе, что я занимаю неправильную позицию и ввожу его в заблуждение. Рассерженный Топуридзе выставил меня из кабинета и поручил изучение этого дела другому прокурору. Но справедливость восторжествовала, и вскоре Мичиташвили выпустили на свободу. Поскольку союзная прокуратура требовала ответа, принять незаконное решение было невозможно. После этого случая Топуридзе избегал меня и старался не сталкиваться по службе, но у меня опять возникли с ним разногласия.

Два варианта протеста

Из канцелярии прокуратуры мне передали уголовное дело некоего Мургулия, которое рассматривалось Зугдидским районным судом. Мургулия приговорили к 20 годам лишения свободы по обвинению в хищении государственного имущества в крупных размерах. В связи с этим делом, ко мне домой зашёл адвокат Автандил Таварткиладзе. Я очень удивился, поскольку для меня было неприемлемо деловое общение с адвокатами, тем более с Таварткиладзе, который пользовался не очень хорошей репутацией. Здесь же хочу заметить, что за время работы у меня сложились взаимно уважительные, хорошие человеческие отношения с такими блестящими, образованными адвокатами как Бидзина Бараташвили, Андро Геловани, Миша Алхазидзе, Бено Хомерики.

Таварткиладзе знал, что мне поручили проверить законность приговора, вынесенного по делу Мургулия. Он попросил меня помочь Мургулия, потому что в этом заинтересован Топуридзе, а также заявил, что в противном случае меня могут уволить с работы. В ответ я выгнал Таварткиладзе из дома.

Перед тем как войти в свой кабинет, Топуридзе должен был пройти мимо моего кабинета. Придя утром на работу, он заглянул ко мне, поинтересовался, получил ли я дело Мургулия и попросил зайти к нему в кабинет.

Через несколько минут я зашёл к Топуридзе, который спросил, изучил ли я материалы дела. Я ответил, что основательно изучил дело и не вижу никакой возможности для оказания помощи Мургулия. Мой ответ ему явно не понравился и он потребовал, чтобы я еще раз хорошо изучил дело и доложил ему. Через три дня я зашёл к Топуридзе и детально изложил ему суть дела, объяснил, что по инициативе первого заместителя Генерального прокурора Мишутина это дело запросила союзная прокуратура, они подали протест в Верховный суд СССР в связи со смягчением наказания для трёх лиц, осуждённых по делу Мургулия. В протесте указывалось, что приговор в отношении Мургулия был законным. Протест Мишутина рассматривался на Пленуме Верховного суда СССР под председательством Горкина, который удовлетворил указанное в протесте требование. В постановлении Пленума было зафиксировано, что приговор, вынесенный в отношении Мургулия, был законным. После вынесения обвинительного приговора Мургулия содержался в Зугдидской тюрьме, откуда ему удалось сбежать, сделав в капитальной стене пролом. Его объявили в розыск и задержали. Топуридзе не удовлетворился моим советом не подавать протест в Верховный суд, который все равно не удовлетворит его, поскольку в деле имеется постановление Горкина, а для судебных органов это была истина в последней инстанции. Топуридзе категорически потребовал, чтобы я написал протест и принёс ему на подпись. Поскольку у меня не было другого выхода, я составил два варианта протеста. В одном из них я просил смягчения наказания до 10 лет, а во втором – возврата дела в прокуратуру на дополнительное расследование. Топуридзе прочитал и одобрил оба текста, и затем спросил какой, по моему мнению, вариант протеста ему следует подписать. Я ответил, что возврат дела в прокуратуру на дополнительное расследование вызовет недовольство среди населения и, потому, лучше просить смягчения наказания. Топуридзе согласился со мной и подписал первый вариант протеста. В этот момент он заметил в тексте мою приписку, где говорилось, что протест составлен по поручению Топуридзе. Он страшно разозлился, разорвал протест, швырнул мне в лицо и выгнал из кабинета. Он так разнервничался, что пришлось вызывать скорую помощь. Дело Мургулия у меня забрали и передали неопытному и беспринципному прокурору, бывшему председателю колхоза Омару Харатишвили, которого вынудили подать протест в Верховный суд. Дело направили за подписью Топуридзе.

Суд в удовлетворении протеста отказал. Этого и следовало ожидать, потому что только полный профан мог пойти на такой шаг, зная, что к делу прилагается протест первого заместителя Генерального прокурора Мишутина и постановление Пленума Верховного суда СССР.

Как было принято, к концу года в нашу прокуратуру приехала на проверку комиссия в составе высокопоставленных сотрудников союзной прокуратуры. Они проверили основания отклонения протеста и были поражены тем, как грубо нарушались требования процессуального законодательства. Вызвали Харатишвили, который затем зашёл ко мне и со слезами на глазах сообщил, что его собираются уволить с работы. Я посоветовал ему рассказать, как его вынудили написать протест, и пообещал поддержку со своей стороны. В своё время я проявил дальновидность, припрятав разорванный Топуридзе протест, и теперь предъявил его комиссии, тем самым спас Харатишвили от увольнения из органов прокуратуры.

Через три дня после этого случая меня вызвал Топуридзе. На встрече присутствовал его заместитель Андро Гигаури. Топуридзе сказал, что он разговаривал с председателем Президиума Верховного Совета Мироном Чубинидзе по поводу моего приёма на работу, и подчеркнул, что в Президиуме у меня будет более высокая зарплата. Я категорически отказался переходить на работу в Президиум и заявил, что никаких оснований для моего увольнения не существует, мне нравится работать в прокуратуре по своей специальности, и что не он назначал меня на эту должность. Присутствующий при этом разговоре Гигаури чувствовал себя очень неловко, поскольку был кристально честным и принципиальным человеком. На его вопрос, что я собираюсь делать, я ответил, что своего решения не изменю, и что Топуридзе раньше меня уйдёт из прокуратуры. Так и случилось.

В 1958 году, в середине июля меня вызвал Топуридзе и сообщил, что у него есть для меня хорошее предложение. В Москве, при союзной прокуратуре существовал Институт повышения юридической квалификации для руководящих работников, и он считал целесообразным направить меня в этот Институт. Нетрудно было догадаться, что таким образом он просто хочет от меня избавиться.

Я прожил в Москве 2 года, окончил Институт с отличием и вернулся в республиканскую прокуратуру, а Топуридзе в скором времени перевели в Коллегию адвокатов. После возвращения из Москвы меня назначили прокурором Октябрьского района г. Тбилиси, где я проработал 4 года. За успешную работу мне присвоили внеочередное звание советника юстиции.

Случай во дворе

По инициативе Никиты Хрущева (1954 год), Президиум Верховного Совета СССР издал указ об объявлении амнистии и реабилитации граждан, репрессированных в 1937–1938 годах. Прокуратуре Грузии поручили изучить дела репрессированных и опротестовать приговоры. Среди многих прочих дел, мне довелось выступать на процессе по делу незаконно осуждённого некоего Геджадзе, который был реабилитирован и требовал вернуть ему квартиру, в которой он проживал до ареста. Супругам Геджадзе дали по 5 лет и выселили в Среднюю Азию. По отбытию наказания, срок заключения автоматически продлевался на следующие 5 лет, и в таких мучениях они провели многие годы. Их единственного сына воспитала бабушка. В ходе рассмотрения дела в суде выяснилось, что до ареста Геджадзе работал главным бухгалтером в банке и жил в районе Сололаки. В этом же дворе, по соседству проживал заместитель председателя Комитета госбезопасности Шалва Церетели. Между семьями Геджадзе и Церетели были хорошие соседские отношения, они часто вместе обедали, взрослые собирались во дворе, играли в нарды, карты или домино. Их сыновья были ровесниками. В один злополучный день, когда Геджадзе и Церетели сидели во дворе, Церетели почему-то пришла в голову мысль, устроить между их детьми соревнования по грузинской борьбе «чидаоба». Геджадзе почувствовал недоброе, ведь его сын был физически крепче своего соперника. Геджадзе быстро одержал победу над младшим Церетели. Но Шалва Церетели стал настаивать на повторной схватке. Отец и сын Геджадзе убеждали Церетели, что победил его сын, но тот, разозлившись, ничего не желал слушать. К несчастью для Геджадзе, младший Церетели опять проиграл.

Через несколько дней после этого случая Геджадзе и его жену арестовали, а их квартиру Церетели присоединил к своей. На процессе была допрошена жена Шалвы Церетели, у которой я поинтересовался, соответствуют ли действительности слухи о том, что в молодости она принимала молочные ванны. Свидетельница подтвердила этот факт и заявила, что из посёлка Цхнети ей часто привозили молоко в большом количестве.

Шалву Церетели судили в Тбилиси. Верховный суд СССР приговорил его к высшей мере наказания – расстрелу. На судебном процессе я потребовал удовлетворить иск в пользу Геджадзе. Квартиру ему вернули.

Незаконное решение суда

Во время моей работы в республиканской прокуратуре я случайно встретил в Верховном суде председателя колхоза из моего села Георгия Мчедлишвили, который пользовался большим авторитетом у населения села Анага и всего Сигнахского района. Он отличался мужественным характером, большим трудолюбием и заботой о своих колхозниках. Я заметил, что Георгий был чем-то расстроен. Поздоровавшись, я спросил, чем он обеспокоен и выразил готовность помочь. Мчедлишвили рассказал, что судья Лагодехского района явно незаконно потребовал взыскать с Анагского колхоза 35000 рублей на том основании, что колхозный бык забрался в ореховый питомник Лагодехского колхоза и повредил саженцы, нанеся тем самым ущерб в размере 35000 рублей. Председатель колхоза сказал, что с просьбой об объективном решении этого вопроса он обратился к министру сельского хозяйства Вахтангу Мирианшвили, который позвонил заместителю председателя Верховного суда Василию Хмаладзе и попросил его перепроверить обстоятельства дела и принять справедливое решение. Я успокоил расстроенного председателя и пообещал разобраться во всем, и принять необходимые меры. Я довёл его до кабинета Хмаладзе, но Георгий наотрез отказался заходить к нему, объяснив, что Хмаладзе, даже нормально не выслушав, грубо выпроводил его и посоветовал уплатить наложенный штраф. После долгих уговоров, я, наконец, завёл его в кабинет Хмаладзе, с которым был в дружеских отношениях. Я в шутку сказал Хмаладзе, что председатель колхоза из моего села так на него обижен, что собирался выброситься с четвертого этажа. Всполошившись, тот вскочил с кресла и принялся успокаивать Георгия. Хмаладзе был родом из деревни Дигоми. Я сказал ему укоризненно, что дигомский житель не может не знать, что скотина не ест горькие ореховые листья. Я попросил Хмаладзе позвонить в Лагодехский суд и поручить в срочном порядке, доставить дело. Дело привезли на второй же день.

В то время в республиканской прокуратуре я исполнял обязанности начальника гражданского отдела. Я срочно составил протест и направил его на рассмотрение в Верховный суд. Коллегия Верховного суда рассмотрела мой протест и прекратила производство по делу.

Памятные встречи в Москве

Из республиканской прокуратуры меня направили в командировку в союзную прокуратуру сроком на один год (1958 г.). Во время пребывания в Москве я часто встречался со многими образованными и влиятельными людьми. В Центральном комитете комсомола секретарём ЦК работала Натела Васадзе, жена моего друга Гугули Данелия. Она пользовалась большим авторитетом, дружила со многими высокопоставленными лицами: председателем Комитета госбезопасности Семичастным, редактором «Правды» Аджубеем, секретарём союзного ЦК Шелепиным и другими. Поскольку на протяжении некоторого времени я проживал в квартире Нателы рядом с гостиницей «Украина», мне тоже приходилось встречаться с высокопоставленными чиновниками, и это оказало существенное влияние на мою дальнейшую деятельность.

В прокуратуре периодически проводились очень интересные лекции. В сентябре 1958 года лекцию читал Лев Смирнов. Этот был тот самый Смирнов, который вместе с Руденко выступал в качестве прокурора на известном Нюрнбергском процессе. На протяжении многих лет он работал председателем Верховного суда. Лекция Смирнова произвела на меня незабываемое впечатление. Я был поражён его ораторским талантом и без преувеличения могу сказать, что это был гениальный юрист и утончённый интеллигент.

По окончании лекции я обратился к Смирнову с двумя вопросами. Он попросил подойти к нему, поинтересовался, кто я и откуда. Тогда мы довольно долго проговорили. После этого я решил пригласить Смирнова в ресторан. Смущаясь, я поведал ему о своём намерении и он согласился. Мы пошли в ресторан гостиницы «Националь», где я заказал коньяк «Энисели». Смирнов одобрил мой выбор и сказал, что «Энисели» обычно пил Черчилль. На столе стояли 150-граммовые стаканы, и я попросил официанта принести рюмки. Смирнову моя инициатива не понравилась, и он заявил, что не нужно портить «Энисели» маленькими рюмочками. После первой бутылки, я заказал вторую, но от третьей он отказался, сославшись на дела. Общение с этим человеком я всегда вспоминаю с удовольствием.

За время пребывания в Москве ещё одно событие доставило мне огромную радость. На Всесоюзном съезде комсомола выступал Никита Хрущев с докладом на уровне председателя колхоза. На этом же Съезде выступила секретарь ВЛКСМ Натела Васадзе, речь которой сопровождалась громкими, продолжительными аплодисментами. Присутствующие на Съезде партийные работники не скрывали восхищения, отовсюду раздавались похвалы в адрес Васадзе. Я присутствовал на многих встречах самого высокого уровня, но такого выступления никогда не слышал. Меня переполняла гордость за неё, близкого мне человека и достойного представителя грузинских женщин. Натела Васадзе – необыкновенная женщина, которая с честью прошла весь свой сложный жизненный путь и, где бы она ни работала, везде оставляла яркий след незаурядной личности – в Центральном комитете комсомола, в Педагогическом институте и в должности министра образования. Натела блестящий учёный, академик, прекрасная мать и настоящий друг, гордость грузинской нации.



Сотрудник союзной прокуратуры Георгий Чебурахин с дочерью

Моя дочь училась в Москве, поэтому там я проводил свой отпуск. Приезжая в Москву, я нередко заглядывал к своим друзьям, которые работали в союзной прокуратуре. Однажды друзья пригласили меня в ресторан «Арагви». Мы договорились встретиться у ресторана в пятницу, в 6 часов. Договариваясь, мы ещё не знали, что на второй день в Москву, в командировку приедут республиканский прокурор Анзор Барабадзе, его первый заместитель Чилашвили и прокурор г. Тбилиси Вахтанг Размадзе. Я пришёл на место на 10 минут раньше назначенного времени. Там меня встретили москвичи и приехавшие гости. Гости из Тбилиси, по видимому, не знали, что русские коллеги ждали меня. Размадзе и Чилашвили моё появление явно не порадовало. Размадзе не мог скрыть раздражения и высказался в том смысле, что я, якобы, заставляю их ждать.

Бестактность Размадзе не осталась незамеченной для хозяев, и они вступились за меня, объяснив, что я пришёл на 10 минут раньше и вовсе не заслуживаю таких упрёков.

Что касается Барабадзе, то он встретил меня по-дружески и попросил сесть рядом с ним в ресторане. Во время застольной беседы в ресторане хозяева не раз отзывались обо мне с уважением, подчёркивая наши тёплые, дружеские отношения. Все это явно не нравилось Размадзе и Чилашвили, и тем более не понравилось, когда москвичи предложили отвезти меня в гостиницу. Барабадзе говорил со мной доброжелательно, расспрашивал об успехах дочери и вообще вёл себя так, как и подобает хорошо воспитанному интеллигентному человеку.

Состряпанное дело

Из республиканской прокуратуры Грузии меня перевели на должность прокурора Октябрьского района. Однажды, для получения санкции на арест ко мне пришли начальник Уголовного розыска управления милиции Серго Мамулов и оперативник этого же отдела, легендарная личность – Рафик. И хотя они не имели высшего, а тем более юридического образования, но пользовались в своих кругах большим авторитетом. Речь шла об аресте несовершеннолетнего Оганова, которого подозревали в квартирной краже.

Я поручил Мамулову доставить ко мне подозреваемого. Оперативники показали мне собственноручно написанные признательные показания Оганова, но это не убедило меня в его виновности. Получив категорический отказ в санкции на арест, они были вынуждены привести ко мне подозреваемого.

Кража произошла в 200 метрах от здания прокуратуры. Я предупредил подозреваемого, что он обязан говорить правду и показать квартиру, откуда он украл домашние вещи. Оганов подтвердил свои собственноручные показания. Подозреваемый привёл нас на первый этаж многоэтажного дома и указал на дверь обворованной им квартиры. Оганова завели в квартиру в присутствии понятых и потерпевшего, и попросили показать, откуда он брал и во что складывал украденные вещи. Растерявшийся подозреваемый сказал, что вещи он взял из шкафа, сложил в простыню, завязал узлом и вынес. Услышав эту версию, потерпевший заявил, что на шкафу лежали два чемодана, которые украли вместе с вещами.

В результате выяснилось, что признательные показания подозреваемого были сфальсифицированы с целью раскрытия преступления. Своими незаконными действиями оперативные работники нанесли серьёзную травму психике несовершеннолетнего. Я тут же освободил подозреваемого, и сам Рафик проводил его до дома.

Я направил министру внутренних дел представление с требованием наказать виновных. В результате оперативные работники получили дисциплинарное взыскание.

Ошибка прокурора

Во время моей работы прокурором Октябрьского района (1963 год), я в порядке отвода получил из республиканской прокуратуры уголовное дело Тариела Вепхвадзе. До ареста Вепхвадзе работал начальником уголовного розыска в отделении внутренних дел Первомайского района. Прокурор Первомайского района Акакий Мтиулишвили арестовал Тариела Вепхвадзе на том основании, что на подведомственной ему территории Манашеров изнасиловал несовершеннолетнюю. Манашеров работал водителем у секретаря ЦК Грузии Фатимы Думбадзе.

На доставленного в отделение милиции насильника набросились с кулаками родственники потерпевшей, сильно избили его и сломали ногу. Во время допроса Манашеров заявил, что в его избиении участвовали и сотрудники милиции, но не смог конкретно указать, кто его бил и кто именно нанёс телесные повреждения.

Вепхвадзе задержали на том основании, что он не смог обеспечить охрану Манашерова. Уголовное дело возбудили по факту нанесения тяжких телесных повреждений. Манашерова судили, и он получили наказание, которого заслуживал.

Несмотря на то, что Мтиулишвили был опытным прокурором, он необъективно оценил действия Вепхвадзе и необоснованно его арестовал. Думаю, такое решение было обусловлено тем, что Манашеров был водителем секретаря ЦК.

Расследование проводилось нами объективно. Мы установили, что было совершено преступление, но установить конкретное лицо, виновное в свершении этого преступления, не представлялось возможным. Следствие не установило виновность Вепхвадзе, поэтому я прекратил дело и выпустил его на свободу. На протяжении трёх месяцев Вепхвадзе незаконно содержался под стражей. После освобождения я вручил Вепхвадзе постановление о прекращении делопроизводства. В бытность Шеварднадзе министром внутренних дел, Вепхвадзе представил это постановление в Министерство внутренних дел, что вызвало большой переполох, но возмущение Шеварднадзе не имело негативных последствий. Вскоре, по его же приказу, Тариела Вепхвадзе назначили заместителем начальника тбилисской тюрьмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.